

Ак

N 3002

ТЕТРАДЬ

для Булакова Марина
Сергеевна

ученик _____ класса Московская область

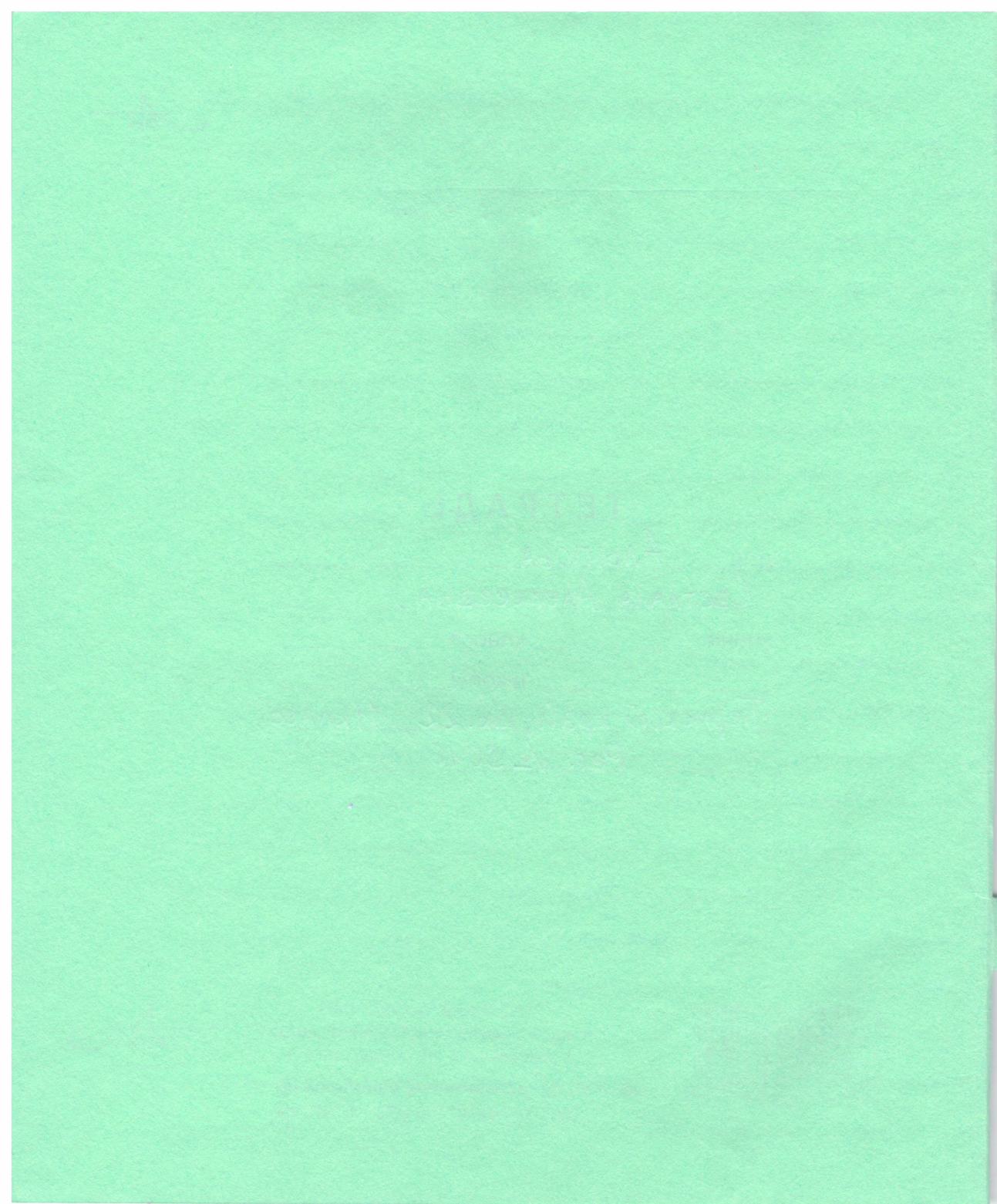
школы _____

МОУ „Гимназия г. Раменское“
Московской области

11 класс

51756

N 3002

Наверное, какому гендеру хочется
бы если не „оставить след в истории”,
то просто провести этот Весна
голотий трансвестит времени, на-
зывающей наизнанку, качественно. Сра-
зать новое слово, совершив наездное
дело, в общем, быть поэтами в первона-
чальном смысле („поэт” с греческого —
„творец”, без уточнения сферы деятель-
ности). Но, душаю, я не ошибусь, если
скажу, что большинство из нас придут
в ужас, узнав, что благодарные (даже
затуманно) потоки станут преподи-
говать нас, нашу наизнанку, творчество,
разделяя по костякам, просто ни
одного нерва без внимания не оставят.
Очень непривычная перспектива.

Я между тем, это, к сожалению, и
произошло с Анисандром Сергеевичем
Пушкиным. Все дороже в отечественной
литературе ведут к нему, это не преу-
бийственное. Но отдавать данное ведь
можно по-разному. Можно установив-

вать нашим книге, называть члены, крамеры, какие-нибудь астрономы. И можно публиковать произведения по тем, которые он сам при письме для некими не предназначал, или книгу в духе „Все любовные похождения Пушкина“, или исследование, где иногда doch geht до того, что „Люблю тебя, Петру творческое“ - это про Анну Петровну Керн.

Знание должно базироваться на этом же. Кроме того, слишком вдаваясь в частности, в минуту драматизации, мы перестаем различать личность поэта, цельность его творчества. Планы, как мне кажется, идеи текста Синицында Кирсановского. Можно сказать о творчестве с приставкой меня, то есть об исследованиях и опасностях которых подсигают на этом пути.

Об авторе я ничего не знаю, но в нашей справке написано, что он „был членом литературного общества“.

о целесообразности принятия в лице-
ратуроедении подходов к анализу
литературного текста, как мыслят нас,
детей-литературистов. Поэтому степен-
ческая позиция Криклиевского по
отношению к формализму в эпоху
дней (год/день/время суток/место/освеще-
ние в месте написания и так далее) мне
близка и понятна.

Главный герой рассказа — дурактор
Радев. Именно он находит нам просле-
дить внутреннее развитие, некую орга-
ничную эволюцию в тексте. От дурак-
тора (в первом предложении) до заи-
рода (заносчивость из последнего предложе-
ния), от умашения одного человека
до небоуждения другого, от статьи до
фантастического рассказа — видно путь,
который проходит учёл в идеи. Если же
рассматривать первое и последнее пред-
ложение в ~~ко~~личестве с назначением
рассказа, находитася, что «рисунок первы-
ми необходимыми условиями этого из-

менение в подсознании к пониманию, как
капитализатор, ускоривший реакцию
Прежде чем обратиться к самому
рисунку, хотимся обратить внимание
на фамилию главного героя. В ней
споминается слово „даде“, к которому
слазу на подсознательном уровне
вспоминаются этические „ненужные“,
„трудные“. Действительно, заниматься
литературой, наукой, наукой – адский
труд, который предполагает бесконечное
ищущие дурманящие (с точки зрения
людей не из мира слова) вопросы.
Но также „даде“ – это часть чего-то
другого. Даде – испытка, например. Быть
то, научного и блаженного дела.

+
Итак, пушкинский рисунок. Ему где
удобства даде присвоен наимя. При
этом поэт так лишен от пос-
ледней перспективации писем, от конца
даде – теперь все всё, что бы ни каса-
лось его лука, учено и прокумиро-

но, наверное, употреблено по памяти в специальных памятниках. Гармония не поверена альбомом.

Удивительно, но ~~ниде~~ на этом рисунке, Раев забывает о том, что только что писал в статье, об Всех, скансе по-прогрессорски, итальянских святых "Медного всадника". Недаром в таинстве, где читаю прерывает мифолог, мы вступаем общие вводных конструкций, какие-то напрянутые письмена — статья давалась с трудом. Но вот он отвлекся, образы материализовались перед его глазами и стали писать своей письмом. Видел ли Пушкин детально конструированную связь Медного всадника с Георгием Победоносцем, с геральдики? Он лишь имел её в виду. В видении Раева всё оказалось так просто и гениально в своей простоте.

Когда директор попадает в сон, происходит отдергивание. Образ и

его исследование минутами захватывало мистиками. Если до этого были неподвижные, "вздохнувшие" фигуры коней, ^{маячные} _{стегна} поступь "невидимого всадника", то в видении конь вспомнил до облаков, у него прогремели кровью, покраснев тремя - воздухом нара ног; да и всадник ^{оказавшись} _{принесший} ути своим, с радостью глядящими за землю. Но зато Родион - свинцовые беки как чуждые перышка. Этому именем с "переносами мистерии", как и римскими, показывает здешность наших знаний, представлений о Георгии (всаднике) как о памятнике. За памятником неувидеть мистерии, она менее - значит, несуществует. Нужно же ^{не} видеть вселенную мертвеницу и обопса вселенную пылью". Тем более, что памятник непротиворечий.

Каждое же разъезд здесь играет Петра Поля, кто оседает ею, обретет поэтическое вдохновение и никогда уда-

шиться, вознеслись на гору, потерпев упаковка в тексте (Парнас? Генерик?) Но далеко не каждый способ обсуждать крылатого коня, хоть тот и оседлал, а значит, в общем облез пепелью «новое существо». Присина этого кроется в самой отнесенности, в правильности представлений о поэзии. Импонично, как сам Пушкин пишет о поэтическом вдохновении в «Египетских часах»: «Когда находила на него [Чарского] такая дрянь... Так вот, «такая дрянь» находится по-настоящему только на тех, кто её достоин, кто правильно применит её дар. Поэтаму конь никогда не позволит себя скватить Брюсиванскую или Самосейкину.

Нетами, у этих двоих разные подходы. Профессор пушкиновед пытается взять коня под уздцы, что, в общем, правильно, но слишком сильно и грубо, поэт новым скватить за

хвост. Эти две модели поведения отражают сущность двух явлений: симпатико-адрексического риторизма и совершенной Кропоткиновской межкультурной поэзии. ~~Фамилии~~ Сам Симейкин напоминает, как мне кажется на симметричную сущность этого человека: сам себя seems, сочиняет о себе и для себя. ~~Планы~~ Образности сохраняются и дальше: Троиценовской от Пушкина купна таинко справоек дама, Самосейкину - таинко автодри (на книге с его же, самосейкинским стихами).

+ Настоящий мастер не вспахива своего земледелия. Втореский процесс для него - внутреннее переписывание. Как описана встреча поэта в герне с конём? „Они простодушны, мои, с минуту, и таинко по-шагали и вздыхали при коне... удивлялись чувства“. Без эмоциональности, без разрывания энергии, без никаких э

ий. Просто творить, а не документи-
ровать свою жизнь для будущего изу-
чения - величественная скромность. Именно
поэтому Пушкин у Кунсткамерского
сам не запомнил даты написания,
хоть боялся не в ней. Пушкиноведу не-
чно потребовалось две поиска чу-
бинного списка. Страшно представить,
что бы он нарисовал, если бы день
оказался каким-нибудь особенным, нап-
ример, близким к 14-му декабря.

Небольшое так же, откуда на рисунке
(в художественное пространство этого
рисунка) вообще появляются Пуш-
кинский и Самосейкин. На первом
взгляд это пополдневия подозрение
спящего Раиба, проекции из его сна-
та. Но ведь сам Раиб видит, как
они включаются в рисунок
живые, сидяще отцом башни по правую
и левую руку директора, наизу. Это
не просто сон. Раибо, автор дает
наше понять, что те двое, пушкинист

и поэт, один видел прижизненное жи-
тие ~~Франца~~^{Людвиговский} можно, Сапожников, вероятно
много интересовалася — ведь он подра-
жает, как следует из сюжета
с художником и Верхним первом). Видели
разногласиями, масонами побывали в
этоте пространстве, как и Рачев.
Но их воображение не дало им никакого
откровения. Находясь „в рисунке“
 они навели себя неправильно и не
поняли этого.

Я Рачев, что все делал в своей пози-
ции-науки-занимании он? „Мы только одни
наблюдать“. Так можно быть, так
читательская позиция — самая ве-
дая? Просто наслаждаться словами
сидеть за авторской маской, не в
водить туроков из „шубоких“ наблюдений?

Погоне, к этому и приводит Рачев
стремясь познанием в сон ~~Кричко~~ Кричко-
новский в последний раз называется
его „автором будущей статьи“ —

статье, так и не суждено пойти вперед. Герой решает написать фантастический рассказ. Вероятно, он будет об этом опыте познания искусства, своего шеста в жизни, в конечной итоге, себя.

Рассказ заканчивается несколько тревожно. Гуантано (быстро статьи-рассказ) — неожиданный поворот в конце, эта могла менять угол нашего зрения. Вопрос, заключенный в предпоследнем предупреждении, задаёт себе и читателю. Читавшие под написания, уважающие редакции, возможно, не одобрят или же не заштамт, отнесутся как к бланку. Рисунок героя заставил Франца свернуть с широкой ездовой дороги на мертвистой путь. Он вадаст исследование сущего творчества, а абсолютно свою выкладывание. Благодаря рисунку герой обрёл себя, его ему так и не хватило в нагаше / вашей к себе в свой кабинет, взять се

за свою работу"). Да, теперь ему на
кого труднее. Речь свои опять
он рискует, судя по последней фразе
быть непонятыми и осмеянными.
Но зато это путь настоящего поэта
в таком смысле слова, о котором было
сказано в Нагае.

K₁-25 K₂-13 K₃-7 K₄-4 K₅-4

Приложение автора завершается
записью подпись архивиста с
содержанием: Запись завершена
записи подтверждены архивистом
композитором, не выписаны конспекты
исследовательского уделено внимание
изображениям иллюстраций.

М. Красносельский / Н. С. Красносельский /
Н. С. Красносельский / Н. С. Красносельский /